

ТРИ СРАЖЕНИЯ

ЭТО — самая первая легенда:

Суворов спрашивает ребенка, любит ли тот солдат. Ребенок, пожирая глазами великого полководца, отвечает, что любит Суворова.

Польщенный военачальник предсказывает, что не пройдет много времени («я еще не умру»), а мальчишка выиграет три сражения.

Потом пророчество Суворова подтвердит Белинский. Вот эти три победы: воин, поэт, отличный прозаический писатель.

Ему было уже 15 лет, когда родился Пушкин...

АНАТОЛИЙ Адоскин, автор и исполнитель передачи, посвященной Денису Давыдову, говорит быстро. Возможно, он связан временем. Еще вероятнее, что его заражает энергичность его героя.

Не что у артиста хватает времени, так это на улыбку. В ней многое — восхищение прежде всего. Не очень понятно, как, собственно, повествовать об этом «утроенном» человеке, — но сама неизбежная непоследовательность, лихие перебросы от темы к теме, от года к году, от жанра к жанру не дают скрыть этого восхищения.

А. Адоскин сначала любит своих героев. Потом, должно быть, вживается в их образы. Потом, надо полагать, ищет способов сценического воплощения. Или, может быть, все не так, но в результате прохождения через профессионально — выверенные методы повествования не исчезает, а остается, живет и вспоминается потом — интонация. То, самое первое и самое последнее чувство. В случае с Дельвигом — элегия, печаль. Здесь — вот эта самая улыбка восхищения.

«**Л**ИРИЧЕСКИЙ субъект, — утверждал пронзительный и пунктуальный Гегель, — сам дол-

жен стать произведением искусства». Неизвестно, кого он имел в виду. Но в истории нашей литературы эти слова очень годятся для Дениса Давыдова. Недаром современный исследователь (С. Рассадин) выделяет именно эти свойства: Денис Давыдов создает свой обобщенный образ, свой тип, он сам становится своей лучшей песней, своей поэмой.

Кто, собственно, кого называл своим парнасским «отцом и командиром»? Давыдов Пушкина — или Пушкин Давыдова? Оба. И сквозь шутки, сквозь обмен комплиментами у этой диковинной логики есть свои серьезные основания.

Ладно, с Пушкиным все ясно. Он — для всех «отец и командир». Даже Михаил Афанасьевич Булгаков, вообще-то стихов недолюбливавший, Пушкина называл командиром ордена, к которому принадлежал. Но Давыдов?..

А вот однажды Пушкина спросили, как это он еще на школьной скамье ухитрился не стать подражателем властительной музыкальности Жуковского и Батюшкова. «А Давыдов? — отвечал поэт. — Он дал мне почувствовать, что можно быть оригинальным...».

Когда свою интонацию для «Войны и мира» искал Лев Толстой, он тоже засвидетельствовал, что среди современников-мемуаристов Давыдов первый дал «тон правды».

— Убитых — похоронить. Раненых — в лаза-

рет. А с оставшимися — вперед!..

Нетрудно догадаться, что мысль принадлежит Давыдову. Но о чем идет речь? Оказывается — о статье, которую нещадно изрубила цензура. Вот и отличил тут писателя от воина...

Военные бывают разные. Одни остаются танцевать на придворных балах, когда другие едут на войну. «Вы оставлены на племя — я назначен на убой!..» — иронически прощается поэт с бравыми карьеристами.

Это племя он знал. По чьей-то сановной глупости и трусости он, который «врубил свое имя в 1812 год», стал, кажется, единственным генерал-майором, которого «вернули в полковники».

Он был язвителен.

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Не каждая его строка попадала в цель. Так, напрасно он обидел несчастного Чаадаева. Но это забылось, об этом знают разве литературоведы. А вот сладкоречивым барственным либералам досталось от него чуть не от первого — и уже навсегда:

А глядишь: наш
Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус, да
в рыло.

Им еще десятилетие можно было ждать Щедрина, чтобы услышать такое.

ВЛИЯНИЕ его на отечественную поэзию живо и поныне. Мне кажется, Алексей Константинович Толстой многим обязан ему в своей смелости и своем сарказме.

А вообще-то мы знаем его лучше, чем нам казалось, а любим даже прежде, чем знаем.

А. АРОНОВ.